

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции сорванные планы врагов спасенные жизни мирных людей – за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ТОНКАЯ • ГРАНЬ • ЗАТИШЬЯ

Спецназ Берии

Александр Тамоников
Тонкая грань затишья

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Тонкая грань затишья / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (Спецназ Берии)

ISBN 978-5-04-112244-7

Май 1942 года. На захваченной фашистами Украине НКВД планирует уникальную операцию. Под видом офицера абвера, подыскивающего на оккупированной территории полигон для испытания новой боевой техники, к советским разведчикам должен выйти агент с ценными документами. На встречу с ним в указанный район выдвигается специальная группа майора Максима Шелестова. Но ни бойцы группы, ни оперативный штаб НКВД не знают, что за действиями агента пристально наблюдает германская разведка. До последнего момента все идет по плану. Страшная развязка наступает тогда, когда операция кажется успешно завершенной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112244-7

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Тамоников

Тонкая грань затишья

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Вместо предисловия

В первые дни войны старшему майору государственной безопасности П. А. Платову было поручено возглавить разведывательно-диверсионную работу в тылу стремительно наступающей германской армии. В НКВД была сформирована особая группа, одной из главных целей которой являлось создание мощной и многочисленной оперативной группировки, предназначенной для заброски в тыл врага. По предложению старшего майора Платова приказом наркома внутренних дел СССР, генерального комиссара госбезопасности Л. П. Берии для ее укомплектования из тюрем и лагерей были освобождены сотни опытных боевых офицеров. Именно они составили костяк вновь созданного формирования. Основными задачами группировки являлось проведение диверсионных операций, организация партизанской войны, создание нелегальных агентурных сетей на оккупированных территориях, дезинформация противника.

В результате упорной, напряженной работы в тыл врага было направлено около пятнадцати тысяч человек. В состав этой группировки входили как крупные, так и небольшие отряды и группы. Они насчитывали от десяти-двенадцати до нескольких тысяч бойцов. Это зависело от тех конкретных задач, которые им предстояло решать, постоянно рискуя жизнью. За линией фронта начал активную деятельность диверсионный отряд «Удар», сформированный из двадцати боевых групп.

Глава 1

Четверг 7 мая 1942 года выдался теплым и безветренным. В лесу порхали и щебетали птицы, на Луховом болоте иногда хлопали пузыри воздуха, показывающиеся из черной топкой бездны.

Красноармеец Лесин осмотрел через прорехи в кустах поляну, сменил положение. Вести наблюдение за подходами к базе группы «Удар-15» он мог только лежа. Дозорный знал, что враг был способен выйти к его посту исключительно по этой лесной поляне довольно больших размеров. Обойти ее не получится. Она метров на двадцать слева и справа граничит с болотом. А там смерть.

Евгений достал кисет с махоркой, понюхал его и вздохнул. Ему очень хотелось курить, но делать это было нельзя. А до смены еще три часа.

Он устроился поудобнее, пододвинул к себе «ППШ» и вновь бросил взгляд в сторону леса, где тропа уходила к районному центру, поселку Копино. Впрочем, тропа – это громко сказано. С ходу и не заметишь, особенно если не знаешь о ее существовании.

Лесин хотел было перевести взгляд на западную опушку, но увидел, как шевельнулись ветки густого кустарника. Если это птица, то не меньше орла, а тут они не водятся. Он подтянул к себе автомат, взвел его, припал к прикладу. Движение повторилось восточнее, ближе к болотам.

Красноармеец внимательно следил за кустами. Кто там? Кабан? Лось? Животное не стало бы осторожничать в девственном лесу, шло бы напролом. Значит, человек. Кто? И один ли он?

Лесин навел прицел на куст у березы, куда шло движение, и тут раздался мальчишечий голос:

– Дяденька, не стреляй! Это я, Кирюха Легаев, до вас пришел.

Боец диверсионной группы молчал. Он знал пацана, являющегося связным между группой и человеком в поселке. Но один ли он пришел, нет ли с ним отделения полицаяв или, еще хуже, эсэсовцев? О своем приходе Кирюха должен был оповестить криком утки, а тут голос, причем испуганный.

– Дяденька я не могу крикнуть уткой. Я выйду, а ты не стреляй. Со мной никого нет, честное пионерское.

Лесин молчал.

Паренек решил, вышел из кустов. Было еще холодно, а он босой, в широких штанах и плотной рубахе. Занятно смотрелась на его голове кепка, явно размера на два больше, чем надо.

Дозорный осмотрел паренька, перевел взгляд на кусты. Там только птицы перепрыгивали с ветки на ветку, с куста на дерево и обратно.

Пацан подошел метров на десять, остановился и проговорил:

– Да здесь ли ты, дяденька? Чего молчишь? Не видишь, один я.

– Шагай, но не спеши! – тихо сказал Лесин.

Паренек приблизился к нему.

Лесин спросил, оставаясь в укрытии и продолжая отслеживать обстановку:

– Почему не можешь подать условный сигнал?

– Да я потерял манок.

– Не брешь!

– Голову даю на отсечение.

– Голову, говоришь? Тебе ее немцы снимут, если попадешь к ним. Где потерял манок?

– Не знаю. Может, когда с пацанами дрался?

– Чего дрались-то?

– Да по мелочи. Махру не поделили. Ты к себепустишь?

Лесин еще раз осмотрелся. Он был опытным разведчиком, дрался с японцами в Маньчжурии, участвовал в Финской войне. Посторонних наблюдателей рядом не было.

– Подходи и ложись рядом.

Парень нырнул в кусты, лег рядом с красноармейцем, протянул руку к автомату, за что тут же получил оплеуху.

– Не трогай, не игрушка.

– Да я уже стрелял из такого.

– Когда успел?

– Витюха Горбунов из сельхозкооператива в дальней роще нашел. Там был склад части, что стояла на окраине поселка. Уходя, его взорвали, но кое-что осталось целым. Витюха там лазал, нашел «ППШ» и диск. Мы в овраге пальнули по бутылкам и еле ноги унесли. Полицай вмиг сбежались на выстрелы.

Лесин покачал головой:

– Нашли забаву. Автомат полиция забрала?

– Наверное. Мы бросили его.

– Ладно, с чем пришел?

Парень шмыгнул носом:

– Дядька Кисель прислал.

– Понятно, что не бургомистр или комендант. С чем конкретно пришел?

– Дядька Кисель просил передать, что в семь тридцать на станцию прибыл воинский эшелон. Там платформа с охраной и пулеметом, еще четыре с бронетранспортерами. Они накрыты тентами, но те местами порвались, видно. Я забыл, как дядька Кисель их называл.

– «Ханомаг».

– Да, так и дядька Кисель и говорил. «Ханомаги». Их по две штуки на платформе. Еще четыре пассажирских вагона, в них солдаты и офицеры, всего сто двадцать человек. В конце состава товарный вагон. На станции возле него и платформы немцы выставили охрану.

Лесин посмотрел на парня.

– В семь тридцать пришел, говоришь?

– Ну да. Его на запасной путь загнали.

– Почему? Может, рота прибыла для размещения в поселке?

– Нет, тогда состав под разгрузку поставили бы. С паровозом поломка случилась. Комендант на станцию прибыл с полициями и немецкими офицерами. В общем, дядька Кисель сказал: передай в лес, мол, что эшелон простоит на станции до утра. Отправление назначено на десять часов. До этого ремонтники обещали починить паровоз.

– А что, на станции других паровозов нет?

– Он большой, «ИС» называется. У нас таких нет, а с Харькова гнать накладно.

– Откуда и куда следует эшелон, Кисель сказал?

– Да. Из Полтавы в Харьков.

– Ладно. Ты устал, наверное, да? Все же двенадцать верст протопал.

– Я привыкший.

– Есть хочешь?

– Это да. И пить.

Боец указал на вещмешок.

– Возьми там банку каши, флягу с водой, сухари. Перекуси и поспи за большим кустом.

– Перекушу с удовольствием, а спать тут не буду.

– Почему?

– Тут в двух верстах озерцо. Туда пойду. Посплю, порыбачу на вечерней зорьке. Сейчас карась хорошо идет.

– Чем ловить-то будешь? Или гранату из подорванного склада утащил? Решил глушануть?

– Я дурак? Леска у меня есть, грузила, крючки, удилице из ветки орешника сделаю, поплавок вырежу.

– Ты запасливый.

Четырнадцатилетний паренек, как-то сразу повзрослевший с приходом гитлеровцев, вздохнул и поговорил:

– Будешь тут запасливым, при новой власти. Хотя мы и раньше худо жили. Батяня помер в тридцать восьмом году. Мать работала в бухгалтерии ватной фабрики. Она и сейчас там. Все те же гроши получает.

– Отца арестовали, что ли?

– Нет. Сам помер. От чахотки. Мне тогда десять лет было. Помню, батя мужиком крепким, здоровым был, лес валил для деревообрабатывающей фабрики. А потом зимой простыл на работе. Сначала подкашливал, жаловался на головную боль, а потом так похудел, что не узнать, и все время кашлял с кровью. Ну и помер.

– Извини.

Парень с удивлением посмотрел на бойца.

– За что? В этом никто не виноват.

– А что мать замуж второй раз не вышла?

– Вот это не твое дело.

– Ладно.

Связной перекусил, напился, все, что осталось, аккуратно сложил в вещмешок.

– Я горбушку возьму для рыбалки, а то кто знает, накопаю червя или нет, – сказал он.

– Бери.

Кирюха осмотрелся и заявил:

– Я вот одного не пойму. Мужики на деревне говорили, что Лухово болото непроходимое. Где же тогда ваш лагерь?

– Тебе этого знать не надо.

– Оно понятно, но интересно.

– Ты знаешь, что приключилось с любопытной Варварой?

– Знаю. Нашей соседке Варьке Терновой не только нос оторвать надо. Стоило бы и вообще прибить ее.

– Чего так?

– Да замучила уже! Сено у нас по ночам тащит Варька. А что против сделаешь? Хахаль-то ее Петька Клинько полицейай, он при власти. – Парень сплюнул на землю. – А нам это сено ой как тяжело дается. Вдвоем и косим, и скирдуюм. Хорошо, сосед иной раз помогает. Он отцу другом был. Корову-то кормить надо. Она хоть и старая, но молоко покуда дает. А насчет болота я чего интересуюсь. У Витюхи дед древний, под сто лет уже. Помнит еще Царя-освободителя, того, что крепостное право отменил. Он на германской воевал, ноги лишился, пережил революцию, Гражданскую войну, видал, как колхозы собирались. Много чего помнит. Среди всего прочего и то, как церковь в заброшенном селе Боровка рушили. Священник успел все ценное оттуда вывезти и, как люди думали, притопил в болоте. Его, понятное дело, расстреляли, дом под сельсовет забрали. А на селе тогда один упырь жил, как звать, не помню. Ну и решил он отыскать клад попа. Далекое спрятать золото, серебро и иконы тот не мог. Стал мужик ощупывать болото от села вглубь леса. Сына помощником с собой взял. Тот и рассказал, как отец слегой в одном месте вроде на что-то наткнулся и решил зайти в болото. Шаг сделал и провалился по грудь. Сын хотел к нему дерево нагнуть, да не успел, затащила топь в момент. Потому и удивляюсь. Болото непроходимое, а вы тут обжились.

Лесин поморщился.

– Забудь об этом. Где мы, чего мы, тебя не касается.
– Зря злишься. Спросил просто. Не хочешь, не говори, но странно все одно. Закурить хочешь?

Паренек наступил на большую мозоль.

– Что, угостить можешь?

– Могу. – Кирюха достал из кармана пачку немецких сигарет «Рамзес».

– Откуда они у тебя?

– Знамо не на рынке купил. У немецкого унтера стянул, когда тот пиво в заведении на Купеческой улице пил. Кружку и пачку на столе оставил, а сам в сортир ушел. Ну я и забрал. Там была еще зажигалка, с орлом таким и какими-то большими буквами. Я ее на буханку хлеба променял.

– С ума сошел! А если бы поймали? Знаешь, что за это полагается?

– Я аккуратно, никто не видел. Так будешь?

– Нет. И тебе запрещаю. Во-первых, нельзя тут курить, во-вторых, мал ты еще.

Парень усмехнулся:

– Да я с двенадцати лет курю.

– Ну и дурак.

– Не обзывайся. Ладно, пойду я!

– Если решил порыбачить, то в поселок попадешь, когда комендантский час начнется.

– И что? Мы на Старой улице живем, это за железной дорогой, можно сказать, отдельно от поселка. Полиция там редко бывают. Они все больше в центре.

– А соседской бабы сожитель?

– Тот, когда приходит со службы, нажирается до чертиков вместе с теткой Варькой. Ему ни до чего дела нет, когда не надо сено наше воровать. Дойду, а и поймают, найду чего сказать. Хотя бы то, что сосед за самогоном послал.

– Лучше не попадайся и обойдись без рыбалки.

– А вот это уже мое дело.

– Ладно, иди.

– Дядьке Киселю чего передать?

– Был у нас, все сказал.

– Угу! Ну давай, дядька, неси службу.

Парень отполз от дозорного, встал, подтянул штаны и побежал через поляну, только голые пятки засверкали.

Проводив его взглядом, красноармеец Лесин повернулся к болоту, трижды крикнул кукушкой и услышал тот же ответ.

Вскоре на пост вышел командир группы «Удар-15» капитан Рябинин.

Свободный проход по болоту на самом деле объяснялся просто. Топь в этом районе изобиловала островами, в основном малыми, но был и довольно большой, Глухой, как называли его советские диверсанты. Он находился в восьмистах метрах от того края болота, где стоял пост. На полпути к нему располагался невеликий остров Белый, именуемый так из-за того, что на нем росли одни березы. Острова и сушу соединяла гать, затопленная на пять-десять сантиметров, способная пропустить группу, состоящую из пятнадцати вооруженных бойцов.

На острове Глухом и находилась база. Она была оборудована еще в 1940 году, когда руководство страны уже предполагало нападение германских и союзных Гитлеру войск. Такие базы создавались в Белоруссии, на Украине, на Брянщине, в других районах и областях. Работа эта была засекречена. В таких местах должны были располагаться штабы партизанских отрядов.

Рябинин прилег рядом с Лесиным и спросил:

– Что у тебя, Женя?

– Посланец от Киселя был.

– Кирюха?

– Он.

– Шустрый малый.

Красноармеец кивнул:

– Шустрый, но бесшабашный. Пачку сигарет с зажигалкой у немецкого унтера увел, комендантский час нарушает. А попадет к коменданту поселка? Ведь пыток не выдержит, расскажет все!

– А что он может рассказать? Что приходил сюда, якобы встречался с бойцом Красной армии из какой-то группы, сосредоточенной где-то в болотах? Приведут его на это место и что увидят? Лес, елань, болото.

– Могут подстраховаться и авиацию навести на Глухой!

– Больше немецкому командованию заниматься нечем, как бомбить болото. Но ты прав. Надо поручить Киселю присматривать за пацаном. Я с ним и сам поговорю.

– А надо ему знать командира группы?

– Пусть его. Опознать меня в дальнейшем он сможет только мертвым. Как и всех нас. Ты же прекрасно знаешь приказ: живыми в плен не сдаваться. Но не будем о грустном. Что передал Кисель?

Лесин доложил командиру о том, что рассказал Кирюха Легаев.

Тот ненадолго задумался, жуя травинку, затем проговорил:

– Значит, эшелон с пехотной ротой. Или смешанного состава. Два взвода могут быть механизированными и два – стрелковыми. – Он достал карту, развернул ее. – Стало быть, завтра в десять эшелон пойдет в сторону Харькова. Это по мосту через Копинку, которая впадает в Северский Донец. Он в километре от восточной окраины поселка. Слишком близко. Хотя бы на километр дальше, тогда был бы шанс рвануть и эшелон, и мост. Сразу убили бы двух зайцев. Но придется по отдельности.

– Нам предстоит подорвать и мост? – спросил Лесин.

Капитан усмехнулся и ответил:

– Нам много чего предстоит сделать, Женя. Ты до четырнадцати часов несешь службу?

– Так точно!

– Кто меняет?

– Младший сержант Кротов. Ему стоять до двадцати двух. Потом...

Капитан прервал дозорного:

– А потом суп с котом.

– Не понял. С каким котом?

– Я шучу, неужели непонятно?

– Вас поймешь. Один вопрос разрешите?

– Давай.

– Когда мы наконец приступим к работе? На этом болоте от скуки сдохнуть можно, да еще и лихорадку подцепить.

– Тебя перед переброской не прививали?

– Прививали.

– Тогда какая лихорадка? А с ума сойти от тоски ты не успеешь. Вот завтра и проведем первую операцию под кодовым названием «Эшелон». Как тебе такая работа?

Красноармеец пожал плечами:

– Нормально. Значит, займемся эшелоном?

– Надо же с чего-то начать. Но все, я на базу. Внимательней тут. Кирюха надежный парень, но все же пацан еще. А в комендатуре не просто так сидит унтерштурмфюрер Зигель. Для чего в районном центре нужен этот офицер, да еще и прибывший из Харькова? Точно не

так просто, он контрразведчик. Немцы наверняка имеют информацию о переброске в их тыл многочисленной разведывательно-диверсионной группировки, в том числе и нашего отряда «Удар». Но точных данных по базам и задачам отрядов и групп у них быть не может. Вот и направляют они в населенные пункты контрразведчиков, которые должны выявлять противника в своем тылу. Если к унтерштурмфюреру попадет Кирюха, то ему не жить. А других каналов связи с агентом Киселем у нас нет. Поэтому пацана надо прикрыть. Значит, требуется подставить вместо него кого-то другого. Кандидата следует обговорить с Киселем.

– Кирюха тут жаловался, что соседка его Варька ворует у них с матерью сено. Она сожительствоует с полицаем, самогонку с ним пьет. Таковую мерзавку нисколько не жалко. Пусть этот унтерштурмфюрер ее и заполучит.

– А что? Вполне подходящий вариант. Но я сам приму решение. За информацию благодарю.

– Это Кирюху благодарить надо.

– И его отблагодарим. Вообще-то надо менять связного, но на кого? Не понимаю, почему руководство при планировании операции не позаботилось о более надежном канале получения разведанных. Но уже ничего не изменишь. Придется самим исправлять ситуацию. Я возвращаюсь.

– Прикрываю!

Капитан усмехнулся и спросил:

– От кого?

– От противника.

– Понятно. Прикрывай.

Капитан Рябинин вернулся на базу и сразу же вызвал к себе заместителя, старшего лейтенанта Александра Федорова, лейтенанта Якова Маслова, руководившего боевой командой, и старшину Василия Гринько, отвечавшего за саперов. Они собрались в штабном блиндаже за самодельным столом, окруженным лавками.

Командир группы развернул карту и довел до подчиненных информацию, полученную из Копино.

– Исходя из того, что мы имеем, приказываю подорвать к чертовой матери этот эшелон! – заявил он. – Для чего лейтенанту Маслову взять с собой двоих бойцов, один пулемет Дегтярева, три диска к нему и выдвинуться вот в этот район. Смотри, Яша, карту.

Лейтенант глянул на нее и спросил:

– Это в восьми километрах от моста через Копинку?

– Точно так. Патрули охранной роты обычно осматривают пути на расстоянии до пяти километров от станции. В этот раз они могут быть усилены и проехать дальше. Однако в указанном районе до места, куда пойдет группа Маслова, тянется низина. После дождей там трактор нужен, даже бронетранспортеру пройти сложно, а мотоциклам и автомобилям – невозможно. Задача группе: разведка участка от светофора на триста метров юго-восточнее вдоль путей. Определение позиций и секторов обстрела места предполагаемого нападения. В общем, тебе, Яша, надо определиться, где разместиться всей группе, чтобы произвести минирование полотна, подрыв рельсов и уничтожение живой силы, находящейся в эшелоне, если таковая останется после подрыва.

Маслов кивнул:

– Понял. Когда выход?

– Исходя из того, что по прямой лесом твоей команде предстоит пройти восемь километров при скорости три километра в час, выход назначаю на двадцать часов. В заданный район выйти к двадцати трем, после привала провести разведку и отдохнуть до семи утра. Выставлять

охранение или нет, решишь сам на месте. С собой взять консервы, хлеб, воду для ужина и завтрака. Задача ясна?

– Так точно!

– Хорошо. После совещания младшему сержанту Кротову и красноармейцу Табиеву прибыть ко мне. Я поставлю им задачу для работы непосредственно в Копино.

Офицеры и старшина переглянулись, но вопросов никто не задал.

Командир группы продолжил:

– После решения задачи в Копино названные бойцы вольются в мою команду. В нее кроме меня входят заместитель и саперы. – Рябинин взглянул на Гринько: – Тебе, старшина, надо будет выслать одного из твоих людей на пост вместо Кротова, который должен заступить в наряд в четырнадцать часов. Пусть он сидит там до двадцати двух. Затем на пост выйдет санинструктор. – Капитан взглянул на заместителя: – Обеспечишь, Саша.

– Да, командир.

– Второй команде, что пойдет со мной, отбой в двадцать три, подъем в четыре. Полчаса на приведение в порядок, быстрый перекус и выход к Маслову в восемь часов. Федотов, возьми с собой второй пулемет и тоже три диска. По пути подберем Кротова и Табиева. В итоге вся группа, за исключением санинструктора, который выйдет на пост, и связиста, с восьми часов должна быть в районе проведения диверсии. Там уточнение задачи, если понадобится. Думаю, не стоит напоминать о том, что взять с собой саперам.

Старшина Гринько улыбнулся:

– Мы знаем, что потребуется для подрыва этого эшелона.

– Ну и хорошо. Кротова и Табиева ко мне. Свободны, готовьтесь.

Заместитель поднялся:

– Один вопрос, командир.

– Давай.

– Если санинструктор Воблин, который у нас еще и повар, уйдет на пост, то ужин и завтрак не готовим?

– Обойдемся сухим пайком.

– Понял.

– Еще вопросы?

Таковых не было. Офицеры и старшина вышли из блиндажа.

Появился радист сержант Жуков, на время совещания выставленный командиром из блиндажа.

– Товарищ капитан, я могу занять свое место?

– Погуляй пока, подыши свежим воздухом, я позову.

– Какой здесь свежий воздух? Вонь от болота.

– Ты не понял?

– Понял.

Спустя десять минут в штабной блиндаж заглянул младший сержант Кротов.

– Разрешите, товарищ капитан?

– Входи.

Кротов вошел, за ним Табиев.

Командир группы указал им на скамью:

– Садитесь.

Бойцы команды Маслова расположились напротив Рябинина.

Тот поднялся, потянулся и проговорил:

– Информацию из поселка нам доставляет связной. Это четырнадцатилетний пацан, зовут его Кирюха Легаев. Он с матерью живет на улице Старой, это за станцией, смотрите

схему Копино, дом девятнадцать. А по соседству, в доме номер двадцать, обитает некая Варвара Тернова, с которой сожительствует полицай Петр Клинько. Сами понимаете, у связного ответственность огромная. Попадется фашистам, через все круги ада пройдет до виселицы. Да и мать его тоже. Мне неизвестно, почему командование назначило связным четырнадцатилетнего пацана. Видимо, было сочтено, что он меньше внимания будет привлекать. Не мне обсуждать решения командования, однако считаю, что надо защитить паренька.

– Как? – в один голос спросили младший сержант и красноармеец.

– Есть план. – Капитан говорил недолго, закончил и спросил: – Что скажете, ребята?

Кротов пожал плечами:

– Нормальный план. Должен сработать, а не выйдет, то пацан все равно в стороне останется.

– Значит, тогда так. Вот вам карта местности, на которую нанесен ложный район базирования нашей группы для дезинформации противника и реальное место засады на эшелон. Выходите в шестнадцать часов, следуете по указанному маршруту. К восьми вечера вы должны быть в саду подворья Варвары. Отрабатываете полицаю в доме либо рядом с ним. Второй вариант лучше. Если придется действовать в хате, то Варвару силком напоить так, чтобы к утру ни хрена не помнила. Ну а дальше по плану. Отдыхайте с краю заброшенного села Боровка. С шести утра быть тут. – Капитан указал место на настоящей карте. – Подойдет моя группа, отправитесь с нами. Дальнейшую задачу определяю по ходу движения. Вопросы?

– Нам спирт отсюда взять? – осведомился Табиев.

– Возьмите на всякий случай. Но по словам Кирюхи выходит, что эта парочка пьет каждый день. Полицай со службы приходит уже хорошо поддатый. Наверняка Варвара гонит самогон. Не будет его, воспользуйтесь спиртом.

– Ясно.

– Если вопросов нет, готовьтесь. Удачи вам.

– Спасибо.

Отпустив бойцов, командир группы позвал связиста и спросил:

– Надышался свежим воздухом, сержант?

– По самое не могу.

– Занимай свое место.

Николай Жуков сел на табурет, за стол, на котором стояла радиостанция «Метеор», способная поддерживать связь на расстоянии до тысячи километров при выставленной лучевой антенне длиной до шестнадцати метров. Все было отлажено. Рядом со станцией лежали головные телефоны, ключ передатчика.

Командир проговорил:

– Начиная с шестнадцати часов и до пяти утра подразделение малыми группами уйдет отсюда. На посту останется санинструктор, на самой базе – ты. Сеансы до шестнадцати завтра не запланированы, но случиться может всякое. Посему принимай шифрограммы и отвечай, что группа на боевом выходе, возвратится ориентировочно поздно вечером.

– Понял.

– Ну и славно. Пойду и я подышу свежим воздухом.

Связист усмехнулся:

– Подышите, товарищ капитан. Где вы еще такой воздух найдете?

Ровно в 16 часов младший сержант Кротов и красноармеец Табиев вышли к посту охранения, где службу нес сапер Геннадий Семенов.

Он обернулся на хлипанье воды под гатью.

– Не замерз, Гена? – спросил Кротов.

– Шуткуешь? Это хорошо. Будет ли вам до шуток там, куда идете?

– Посмотрим.

– Удачи вам.

– Ты тут смотри внимательно, Гена, а то придем, а с поста твоего по нам немцы из пулемета врежут короткими очередями.

– Не беспокойся. Если что, отойду на Белый остров и сигнал подам дымом.

– Лучше без этого обойтись. Ладно, пошли мы.

– Счастливо.

Кротов и Табиев в одежде обычных горожан, вооруженные только пистолетами «ТТ», двумя гранатами «Ф-1» и ножами, перебежали поляну и скрылись в лесу, там, где начиналась еле заметная тропа.

До брода через речку Копинку они дошли за три часа, сняли сапоги, завернули штаны, переправились на другой берег. Потом бойцы обогнули поселок с юга, выбрались к кустам у оврага, тянувшегося метрах в ста от садов и огородов улицы Старой, залегли в удобной канаве.

Кротов осмотрел дворы и заявил:

– Так, вон тот, который нам нужен. В овраг и к поселку за мной марш!

Бойцы прошли через овраг, огород, перепрыгнули через плетень и оказались в небольшом саду. Потом они пробрались на задний двор, к двери, ведущей в сени.

Навстречу им вышла женщина, с виду не самая молодая.

Она сразу не поняла, кто перед ней, и проямлила:

– Это чего?..

– Тихо, Варвара, свои мы.

– Какие свои? – Она икнула. – Я вас не знаю.

– В дом пошли, чтобы соседи не видели.

– А мне в сортир надо.

– Так давай быстреей.

Плохо сориентировавшаяся женщина сходила по нужде, вернулась и спросила:

– А вы кто есть-то?

– Друзья Петра.

– У него нет друзей.

– Идем в хату, там объясню. Кстати, Петр не приходил еще?

– Нет.

Табиев взял Варвару под руку, завел в сени. Младший сержант Кротов осмотрелся, прошел вслед за ними, в комнате усадил Варвару за стол. Табиев встал у окна, из которого была видна улица.

– Из леса мы, – сказал Кротов.

– Чего? – Варвара трезвела на глазах. – Из леса? Но ведь там... вы партизаны?

– А кто же сейчас живет в лесу? Разве Петр не говорил тебе, что он на нас работает?

– Петр на партизан?

– До тебя плохо доходит.

– В голове муть, ничего не понимаю. Так Петька партизан?

– Ну да. – Кротов усмехнулся и добавил: – В полицию специально устроился.

– Вот же сволочь!

– С чего это сволочь?

Варвара поняла, что сказала не то, что следовало.

– Сволочь, что скрывал от меня.

– Не хотел впутывать тебя в свои дела. Может, и правильно, хотя, если что, немцы вас обоих повесят. Так что ты лучше помалкивай.

– Кому мне говорить-то?

– Вот и хорошо. Когда Петр должен прийти?

Женщина посмотрела на часы с кукушкой.

– Да уже должен, если на службе не задержат.

– Дождемся.

Варвара скривилась и спросила:

– А чего вы раньше не приходили?

– Не было надобности. Теперь она появилась.

– Да-да, дела у вас. А я пока выпью.

Тетку начал бить озноб. Ее сожитель партизан? Это не шутки. Она видела немецкие листовки, где было написано, что за укрывательство и помощь партизанам наказание только одно – смертная казнь.

Варвара достала из шкафчика бутылку самогона.

– Не много будет? – спросил Табиев.

– Так не только для себя.

– Мы не будем.

– Ну и ладно.

Она налила полный стакан, выпила. На столе стояла миска с соленостями, лежал хлеб.

Женщина поморщилась, закусила и заявила:

– Вы вот что, люди добрые, больше в мою хату не приходите.

– Так мы не к тебе, к Петру.

– Его тут больше не будет. Кончилась наша любовь. Да, вся вышла. – Она выпила еще стакан.

Табиев от окна сказал:

– А вот и Петька Клинько нарисовался. Он тоже под градусом.

Это был сигнал для Кротова.

Тот повалил Варвару на пол, зажал нос. Когда она открыла рот, он стал вливать ей самогон, давая мгновения на вдох. Тетка тут же отрубилась.

Кротов бросил ее на кровать, стоявшую между печью и стеной, задернул занавес, бутылку пристроил на стол и приказал:

– Равиль, в спальню! Готовь тряпку с эфиром.

– Угу!

Бойцы зашли в небольшую комнату с деревянной кроватью, встали у входа.

Полицай поднялся на крыльцо, открыл дверь.

– Варька, чего не встречаешь? Вот мать твою, опять нажралась, что ли?

Ответа он не дождался, забрел в комнату, отдернул занавеску, увидел женщину на кровати.

– Так и есть, нажралась. Ничего, я приведу тебя в чувство. – Он повернулся и открыл рот от изумления.

Перед ним стояли незнакомые мужики, да не просто так, а с пистолетами.

– Руки в гору! – приказал Кротов.

Полицай бросил взгляд на окно, и Табиев тут же предупредил его:

– Дернешься, пристрелю!

– Кто вы такие?

– Неважно.

– Обыщи его. Оружие забери, – сказал Кротов товарищу.

– А что брать-то? Он винтовку в сенях оставил.

– А была винтовка?

– Была.

– Все одно обыщи.

Табиев подошел к полицаю и приложил к физиономии платок, смоченный эфиром. Тот дернулся, но боец диверсионной группы крепко держал его. Скоро тело Клинько обмякло.

Табиев усадил этого бесчувственного типа к печи, повернулся к младшему сержанту и спросил:

– Дальше чего, Слава?

– Поди глянь в сарай, что за живность у этой Варвары. Для кого она сено у соседней воровала. И вообще осмотри двор.

Табиев вернулся быстро и доложил:

– В сарае лошадь, за баней телега.

– Отлично, – заявил Кротов. – Я уже думал, что придется нам тащить на себе этого борова.

– Уходим?

– Подождем до темноты.

В десятом часу вечера бойцы выгнали лошадь во двор. Кротов запряг телегу, положил в нее сена, нагнулся к Клинько, засунул ему под мундир карту, на которой капитан Рябинин отметил место засады на эшелон. Тело они забросили в телегу и отправились в путь.

Около полуночи бойцы остановили лошадь у крайней хаты заброшенного села Боровка. До утра полицай просыпался дважды, и оба раза они его вновь усыпляли.

В шесть часов Кротов и Табиев оказались на грунтовке, ведущей к железной дороге. Через двадцать минут к ним подошли люди, ведомые командиром группы. Саперы несли на себе объемные рюкзаки и личное оружие. У них же были и «ППШ» товарищей, вернувшихся с особого задания.

– Все в порядке, товарищ капитан, – доложил младший сержант. – Варвара проснется часов в восемь. Пока придет в себя, похмелится, вспомнит, что было вечером, обнаружит отсутствие сожителя, лошади и телеги, пройдет не менее часа. Пойдет ли сразу к коменданту? Вряд ли, сначала обдумает все. Но даже если и пойдет, то гауптман Баур будет занят отправкой эшелона. В полицию ей хода нет. Кто знает, один ли ее Петруха связан с партизанами? – Кротов усмехнулся.

– Что с полицаем? – спросил Рябинин.

– То, что и должно быть. Отработали по плану. У бабы в хозяйстве была лошадь и старая телега. Сейчас Петр Клинько спокойно спит на сене, проваляется до полудня. Равиль ему солидную дозу эфира в морду сунул. Лошадь и телегу мы поставили у крайнего дома. В общем, все сделали именно так, как нам было приказано. Если желаете, можете убедиться.

– Нет времени. Да и верю я вам. Забирайте оружие. Продолжаем марш к месту засады.

Четыре километра с гаком они прошли за полтора часа.

На опушке леса, через который проходила железная дорога, саперов во главе с командиром отряда встретил лейтенант Маслов и доложил:

– Товарищ капитан, у нас порядок, разведку провели, в округе спокойно. На рассвете к низине, к лесу, подъезжали два мотоциклиста. Постояли, покурили, посмотрели на пути и подались обратно. Позиции мы выбрали.

– Веди туда.

Группа вышла на окраину леса, за которой вдоль полотна тянулась зона отчуждения.

– Здесь ваше место, – сказал Маслов.

Рябинин подозвал старшину Гринько.

– Быстро, Василий, определяйся с точками закладки взрывчатки и приступай к минированию железной дороги.

– Сколько ставить мин?

– Три. Под паровоз, середину состава и конец, где будут пассажирские вагоны.

– Понял.

Рябинин с Федотовым и Масловым присели на плащ-палатку, расстеленную на земле.

Командир группы развернул карту.

– Длина эшелона с платформой отделения охранения составляет примерно двести тридцать метров. Подрывы снесут весь состав в кювет. Если в последнем грузовом вагоне находятся боеприпасы, то они детонируют.

Заместитель вздохнул и проговорил:

– Я бы не был так уверен в этом.

– Ну тогда мы поможем им детонировать. Итак, лейтенант, где у тебя позиции боевой команды?

Тот показал на карте.

– Понятно. В принципе там, где и должны быть.

– Я тоже могу считать, – с улыбкой проговорил Маслов.

– Значит, на крайние позиции, там, где слетит платформа с охраной, выходят старший лейтенант Федотов и красноармеец Лесин с «дегтярем», туда, где окажутся пассажирские вагоны, – лейтенант Маслов, красноармейцы Сукно и Табиев, тоже с пулеметом. К ним подойдут двое саперов. Здесь со мной остается старшина Гринько с взрывной машинкой. Младший сержант Кротов уходит лесом в сторону станции на триста метров и подает сигналы кряканьем утки. Три раза при появлении охранного подразделения, пять – эшелона. После этого он смещается к команде Маслова, к грузовому вагону. Если при опрокидывании и в результате взрыва мин боеприпасы не взорвутся, то бойцам ударить из автоматов и вызвать детонацию. Вопросы есть?

Вопросов у офицеров и старшины не было.

– Работаем! – отдал приказ капитан Рябинин, спрятал карту и стал смотреть за действиями саперов.

Те с рюкзаками, ломиками, саперными лопатами вышли к полотну и начали закладку мин. В 9.40 Гринько доложил о готовности к подрыву эшелона. После этого его люди ушли на позиции бойцов Маслова, сменили ранцы, ломики и лопаты на автоматы «ППШ».

Наступила тишина, которая совсем скоро была прервана трехкратным кряканьем утки и гудением немецкой техники, приближавшейся к месту засады.

Старшина Гринько прислушался и проговорил:

– Идут бронетранспортеры и грузовик, наверняка со взводом охранной роты. «Ханомаги» пройдут низину. А солдаты могут спешиться и пойти пешком.

– Зачем? В транспортерах по отделению солдат. Но мы подстрахуемся. Передай по команде, что если пехота немцев пойдет в лес, то всей группе отход в глубину и возвращение на позиции при приближении эшелона.

– А если немцы как раз тут выйдут и будут ждать, пока пройдет эшелон? – спросил старшина. – Это, конечно, маловероятно, но в принципе может быть.

– Тогда бросим все и уйдем. Будем готовить операцию «Мост».

Два взвода охранной роты дошли до низины, офицеры посмотрели на грязь, что-то крикнули. Пулеметы дали очереди по лесу, никого не задевшие. Техника развернулась и пошла обратно к станции. Гитлеровцы явно не ожидали нападения. Копинский район считался спокойным.

Еще не стих гул бронетранспортеров, как над лесом пять раз прокрякала утка.

– Ну вот и начинается, – произнес Рябинин. – У тебя, старшина, машинка не откажет в самый неподходящий момент?

– Нет. Я за ней слежу так, как некоторые за оружием не присматривают.

– Смотри! Обидно будет. Условия созданы, а эшелон пройдет.

– Не пройдет.

Уже был виден дым паровозной трубы, слышно пыхтенье и стук колес по рельсам. Капитан перевел затвор в заднее положение.

Состав вошел в зону минирования. На передней платформе громоздились мешки с песком, за ними солдаты, расчет пулемета «МГ».

Гринько дождался, пока паровоз зайдет на мину, и повернул ключ до упора по часовой стрелке.

Три мощных взрыва прогремели одновременно. Паровоз вместе с рельсами слетел в кювет, за ним и все вагоны. Перевернулись, сорвав крепления, бронетранспортеры, разлетелись в стороны гусеницы и колеса, взорвались баки. Они при транспортировке должны быть залиты полностью. Немцы народ педантичный, все сделали на совесть. На платформах находились и бочки с запасным горючим, которые рванули вслед за баками.

По гитлеровцам, уцелевшим при крушении, ударили пулемет Лесина и автомат Федотова. Охрану они уничтожили быстро, да и с ротой долго возиться не пришлось. Половина ее погибла при перевертывании вагонов. Около пятидесяти человек, кто с оружием, кто без, деморализованные, дезорганизованные, испуганные, шокированные, выбрались в зону отчуждения со стороны засады. Саперы направили взрывы так, что состав улетел налево по ходу движения.

Объявился и офицер, обер-лейтенант, который пытался организовать толпу, что-то кричал. Пули, выпущенные Кротовым, пробили его разорванный китель.

Открыли огонь и все остальные. Немцы заметались, часть тут же упала, остальным тоже укрыться было негде. Вдогонку очередям в зону отчуждения полетели мощные оборонительные гранаты «Ф-1». Бой, если так можно назвать прямой расстрел диверсантами личного состава пехотной роты, длился всего десять минут. Затем все смолкло.

Рябинин выкрикнул команду, и к вагонам устремились бойцы команды Маслова. Застучали «ППШ», прогремели два взрыва. Бойцы добивали немцев, выживших в вагонах.

Гринько с удовольствием смотрел, как горят перевернутые, искореженные бронетранспортеры.

– Вот это дело! – заявил он. – Восемь таких железяк, это вам не шутка. – Старшина на мгновение застыл, а потом воскликнул: – А там что еще за черти?

Из-за паровоза встали двое мужчин, державшие на руках третьего.

– Может, выжившая охрана на платформах с бронетранспортерами? Валить их?

Тут раздался крик одного из этих людей:

– Братцы, не стреляйте! Бригада паровоза мы.

Гринько посмотрел на Рябинина.

– Ни хрена себе! Как уцелели?

– А черт их знает.

– Нашли тоже братцев. Фашистам служат, нет бы в лес уйти, создать партизанский отряд.

– Их заставили, но ладно, прикрывай меня.

Капитан подошел к железнодорожникам и спросил:

– С вами не было немцев?

– Был один, так его прибило взрывом.

– А вы выжили?

– Да уж, смилостивился Господь.

– Тащите своего человека на станцию. Будут спрашивать, никого из нас вы не видели.

Понятно?

– Да. Носилки сделаем и пойдем.

– Это ваше дело. – Рябинин повернулся к лесу и крикнул: – Внимание, группа, отход!

Глава 2

Варвара проснулась около девяти утра, села на кровати и трянула растрепанной головой, отчего ее чуть не вырвало. Она осмотрелась. В комнате бардак, на столе ополовиненная бутылка самогона.

– Петька?! – крикнула женщина, не услышала ответа и все вспомнила. – Ах ты мать мою за ногу! Петруха-то на партизан работает. С ними и ушел, наверное. А я, выходит, пособница. За это расстрел. Ну уж нет, не будет этого, – сказала она самой себе.

Женщина встала с кровати, шагнула к столу и взялась за бутылку, но подумала и поставила ее обратно. Умывшись и причесавшись, она бросилась вон из дома, перебежала по переходу пути у станции, выскочила на Купеческую улицу, по ней долетела до площади Освобождения, бывшей Ленина, свернула к управе.

Ее остановил полицейский Алексей Козарев. Варвара знала его и других сослуживцев своего сожителя.

– Куда, Варька? Стоять!

– Да чего стоять-то? Дело у меня есть до коменданта.

Полицейский усмехнулся и спросил:

– Что, Петруха в морду дал? Жаловаться пришла?

– Да пошел ты!..

– Я-то пойду, когда надо будет, а ты вали подальше, посторонним сюда нельзя.

В это время из управы вышли комендант Баур и офицер в форме СС.

Варвара закричала:

– Герр гауптман! Герр комендант! У меня к вам важное дело.

Гитлеровцы переглянулись.

Эсэсовец махнул рукой полицейскому, пропусти, мол.

Козарев отошел в сторону, шепнув женщине:

– Шалава!

Она ответила бы ему, но ей было не до этого.

Варвара подошла к офицерам, поправила волосы.

Комендант поморщился:

– Водка?

– Это вчера, герр гауптман.

Арман Баур не знал русского языка, но им владел унтерштурмфюрер Зигель.

– Что тебе надо, баба?

– Полицейский, извините, полицейский Петр Клинько связан с партизанами.

– Что? С какими партизанами?

Напрягся и гауптман, услышав это слово.

– Не знаю, были вечером двое, потом Петька, полицейский Клинько пришел, а утром никого уже не было. Я, извините, уснула.

– А ну-ка, пойдём! Как тебя?..

– Варвара Тернова. Я за новый порядок, об этом вам любой скажет.

– За мной!

Унтерштурмфюрер кивнул коменданту, и они поднялись на второй этаж, где находился кабинет эсэсовца.

На лестнице Зигель сказал Бауру:

– Арман, вызови заместителя Вирта и начальника полиции.

Гауптман передал приказ солдатам охранной роты, которые несли службу на втором этаже.

Вскоре в кабинете эсэсовца расположились унтерштурмфюрер, гауптман, обер-лейтенант Вирт, начальник полиции лейтенант Ленц. Немцы расселись на стульях, Варвара осталась стоять посреди кабинета.

Эсэсовец взглянул на нее и приказал:

– Говори!

Она подробно, иногда заикаясь, рассказала о приходе людей из леса, о том, как они ждали сожителя и заставляли ее пить самогон. Здесь эта особа соврала не глядя.

– А потом, извините, ничего не помню. Но один из них говорил, что Клинько работает на партизан.

Унтерштурмфюрер начал переводить ее, но не успел закончить. Где-то со стороны Харькова прозвучали взрывы.

– Что это? – Он оборвал речь на полуслове.

Заместитель коменданта встал:

– Я узнаю, герр унтерштурмфюрер.

– Давай, Бруно.

Обер-лейтенант вышел из кабинета и вскоре вернулся бледный как мел.

– Господа, эшелон с бронетранспортерами и солдатами пущен под откос в районе светофора, это в восьми километрах...

Унтерштурмфюрер заорал:

– Как это пущен под откос? Кем?

Заместитель коменданта взглянул на Тернову.

– Значит, говоришь, приходили партизаны?

– Да, герр офицер.

– Ну и что застыли? Поднять охранную роту, отправить в квадраты, прилегающие к месту, где проведена диверсия. Прочесать лес, выслать технику на дороги, – выкрикнул Зигель.

Комендант встал и сказал:

– Я займусь этим.

– Быстрее! Диверсанты не могли далеко уйти, и техники у них быть не может.

Комендант кивнул заместителю, и те рванули на выход.

Унтерштурмфюрер повернулся к начальнику полиции:

– Тебе, лейтенант, оставить в поселке десять человек охраны управы, остальных выслать к грунтовке, идущей в лес, на север. Задача одна: перекрыть партизанам выход к Лухову болоту. Не забыть осмотреть брошенное село.

– Да, герр унтерштурмфюрер.

– И еще, найди мне этого... как его?

– Клинько, герр унтерштурмфюрер.

– Этого Клинько. Живым найди!

– А если он ушел к партизанам?

– Какие к черту партизаны, лейтенант? В районе нет партизанских отрядов. Их во всей области от силы пара-тройка. У нас быть не может. Условия не те, чтобы сформировать полноценный отряд.

– А кто же тогда пустил под откос эшелон?

– Диверсионная группа. Я доводил до вас, что русские провели массовую операцию по забросу в наш тыл нескольких тысяч специально подготовленных диверсантов, сведенных в бригады, отряды. По эшелону действовала небольшая группа. Полусотне вооруженных людей не удалось бы незамеченными подойти к железной дороге.

– Но откуда они узнали?.. Хотя да, Клинько.

– Ты долго будешь болтать?

– Извините. Задачу уяснил, выполняю. – Лейтенант выбежал из кабинета.

Унтерштурмфюрер подошел к трясущейся Терновой.

– Почему ты, баба, не сообщила нам раньше о связи твоего сожителя с партизанами?

– Я даже не догадывалась об этом. Узнала – сразу доложила.

– А чего ты нажралась самогона, как последняя пьяница?

– Так меня партизаны заставляли пить.

– Что, в рот лили?

– Почти так.

– И они пили?

– Пили, герр офицер.

– Странно, обычно эти мерзавцы не прикладываются к спиртному на задании.

– Ну, я не знаю, эти пили не меньше Клинько.

– Тот тоже жрал самогон?

– Он и со службы приходил пьяный, дома добавлял.

Унтерштурмфюрер поморщился и заявил:

– Ты арестована!

Варвара едва не упала в обморок.

– За что, герр офицер?

– Будешь сидеть в камере, пока мы не поймаем Клинько.

– А если не поймаете?

– Тогда ты будешь повешена за пособничество врагу.

– Господи, да за что мне такое? Я же сама пришла!

– Моли Бога, чтобы мы нашли твоего любовника. – Охрана! – крикнул Зигель.

В кабинет зашел полицай, оставшийся в управе.

– Да, герр унтерштурмфюрер?

– Эту бабу в подвал! Никакого насилия не применять, допросов не проводить. Все остальное как для всех. Ты понял меня?

– Так точно, герр унтерштурмфюрер!

– Уводи!

Варвара попыталась упасть в ноги эсэсовцу, но крепкий полицай схватил ее за шиворот и потащил в коридор.

Оставшись один, унтерштурмфюрер присел на стул возле телефона, достал пачку сигарет, закурил. Он обязан был доложить о произошедшем в Харькове, но решил дождаться хотя бы первых результатов поиска советской диверсионной группы, заброшенной в немецкий тыл. В том, что действовала именно она, Зигель несколько не сомневался.

Боевое подразделение Рябинина отходило в направлении района, который был указан на карте, оставленной у Клинько. Командир решил обходить лесом грунтовую дорогу и заброшенное село Боровка, планировал выйти к базе с юга, по самой кромке болота. Крюк в итоге получится большой, около двадцати километров, но этот путь был самым безопасным.

Рябинин прекрасно понимал, что гитлеровцы привлекут все свои силы, имеющиеся в поселке, для прочесывания района диверсии и участков местности, прилегающих к нему. У коменданта и начальника полиции Копино хватит сил на то, чтобы блокировать не только место подрыва эшелона, но и северный лес до Лухова болота, где находилась база.

Оккупантам нужно было прочесать и южный лес. Но для этого комендант, скорее всего, вызовет подмогу из соседних районных центров, возможно, даже из Харькова. Сюрприз с подрывом эшелона окажется для гитлеровцев весьма неприятным и неожиданным. До сих пор эта территория считалась ими относительно безопасной, теперь же ситуация менялась в корне.

Это обстоятельство требовало немедленного реагирования на угрозу привлечения дополнительных сил для борьбы с диверсантами. К операции, проведенной группой «Удар-15», вот-

вот добавятся другие. Весь отряд уже приступил к выполнению заданий. Такое развитие событий потребует усилий гитлеровского командования не только в Харькове, но и на всей территории рейхскомиссариата «Украина».

За первый час диверсанты прошли четыре километра на северо-восток. Потом они устроили привал в березовой роще.

Капитан Рябинин остался на опушке и смотрел в бинокль на лес, за которым в небо поднимались клубы дыма. Он проводил расчет.

«О диверсии на железной дороге в Копино станет известно где-то в одиннадцать часов. Сколько времени потребуется тамошнему начальству на то, чтобы поднять охранную роту и полицию? Учитывая разношерстность гарнизона, особенно тот факт, что в нем состоят подразделения, не имеющие единого прямого подчинения, полчаса по минимуму. Реально больше. Берем одиннадцать тридцать.

Постановка задач, которые сперва требуется определить, займет еще двадцать минут. Подготовка техники, построение колонн. Вот и полдень. Выдвижение к месту диверсии с охватыванием леса, причем с обеих сторон железной дороги – никак не менее часа. Значит, противник сможет выйти к горящим останкам состава где-то в четырнадцать часов.

Но комендант и начальник полиции вышлют людей не только к месту диверсии, но и к селу Боровка и к соседним населенным пунктам. Прочесывание местности там тоже начнется около четырнадцати часов. Маневрирование, переходы, переезды, полное перекрытие вероятных проходов. В общем, получается, что искать группу немцы будут дотемна, то есть ориентировочно до девяти часов вечера.

Затем подразделения охранной роты и полиция вынуждены будут вернуться в поселок. Но они обязательно оставят посты наблюдения. Где? У железной дороги бессмысленно. У болот, считающихся непроходимыми, тоже. Значит, вдоль дороги, что проходит мимо заброшенного села и тянется в соседний район. Ну и, естественно, у самого поселка, со всех сторон. Не на окраинах, но и недалеко, на удалении не более километра, обеспечив связь между постами. Их можно будет определить по телефонным кабелям.

При необходимости оккупанты выставят пост и в Боровке, усилят охрану на мосту. Непосредственно к болоту они не пойдут, и это хорошо. Вопрос в том, наладят ли немцы наблюдение у поляны, которая рядом с болотом, у самой базы? Тоже вроде занятие бесполезное, но никто не знает, что в головах у коменданта и у офицера СД, который гораздо опаснее.

О том, что делать с постом, если таковой все же будет выставлен у поляны, мне придется еще подумать. Снять его и скрыть все следы можно легко. Трупы в болото, и все дела. Но исчезнувший пост не останется незамеченным. Поляну и лес немцы начнут трясти по-настоящему. Этого допустить нельзя.

А что можно? Это решим на месте, по обстановке».

Второй привал группа сделала в полдень, в небольшой балке, пройдя еще три с половиной километра. В час капитан Рябинин объявил отдых до половины третьего. На этот раз бойцы расположились в лесу, выставив охранение. Никаких признаков преследования они не обнаружили.

Расчет времени и расстояния говорил о том, что группа удалилась от немцев не менее чем на десять километров. Такой отрыв уже обеспечивал диверсантам безопасность.

Клинько очнулся, поднялся в телеге, осмотрелся. Кругом брошенные дома, заросшие дворы, огороды, фруктовые деревья, начавшие дичать. Вдали лес.

– Твою мать, и где это я? – проговорил полицей.

В голове у него мелькнула мысль об оружии. Но винтовка была здесь же, при нем. Он повел глазами влево, вправо.

«Ничего не понимаю, – подумал полицейай. – Сидел с мужиками в пивной, пришел домой, а там два каких-то типа с пистолетами. Кто это? Что они говорили? Черт побери, партизаны. Но откуда?.. Пьяная Варька на кровати за ширмой, бутылка самогона и черная пропасть».

Клинько слез с телеги, отряхнул форму от налепившегося сена, подтянул штаны, голенища сапог. Вдали, над железной дорогой, поднимался дым. Голова раскальвалась, ноги, руки онемели. Он расстегнул мундир, размялся.

«Как я оказался тут, похоже, в Боровке? За каким лешим прикатил сюда? Лошадь и телега Варькины».

Клинько тряхнул головой, чуть не потерял сознание, но услышал шорох слева и схватился за винтовку.

– Не балуй, брось винтовку! – донеслось до него.

Он узнал голос Молчанова, старшего полицейского.

– Егор, ты?

– Брось, сказал, винтовку.

– Да ты что, не узнал? Петр я, Клинько.

– Не выполнишь приказ, стреляю!

– С ума сошел? – Клинько бросил винтовку в телегу и услышал:

– А теперь пройди вперед.

Полицай сделал это, и тут же прозвучала команда Молчанова:

– Ребята, бери его!

– Да вы что?

Со всех сторон к нему бросились сослуживцы, сбили на землю, связали руки и ноги веревкой.

– Да охренели вы, что ли? Я же свой.

Молчанов наклонился к нему.

– Свой, говоришь? А чего в селе делаешь?

– Нажрался вчера, Егор, не помню, как сюда попал.

– А с кем у Варвары базарил?

– Да были там какие-то мужики. А ведь это они меня сюда вывезли! Черт, как я не догадался? Не от вина развезло меня, усыпили чем-то.

– Вот гонит! – воскликнул молодой полицейай Митяй и влепил Клинько увесистую оплеуху.

– Ах ты, сопляк! Разберемся, прибью, – выкрикнул тот.

– Ага, уже прибил. Это я тебя, сволочь продажную, прибью.

Клинько понял, что его подставили. И кто? Варвара, с которой он жил, которую кормил, поил. Ей и работать не надо было, на всем готовом жила. Еще шмоток два чемодана приволок, когда евреев сгоняли из домов.

– А ну-ка, посмотрим, что у тебя в карманах, Клинько, – проговорил Молчанов.

– Да чего там? Кисет, спички, платок, ножик перочинный.

Старший полицейай расстегнул его мундир, заметил под брючным ремнем свернутую бумагу.

– А это чего? – Он вытащил сверток, развернул. – Опаньки! Да это карта. Так-так-так. На ней крестом указано место, где какие-то мерзавцы нынче эшелон под откос пустили. Ах ты, сука продажная!

Молчанов с размаха ударил, разбил нос и рот Клинько.

– Ты чего, Егор? Мы же друзья. А карта, клянусь, не моя. Мне ее подсунули.

– И с ней в лес отправили?

– Да если бы я был с партизанами, то разве стоял бы здесь, в Боровке?

– Своих, наверное, ждал, сука. Но пришли мы. А вообще хорош базарить. Мужики, в телегу его!

Недавние приятели забросили Клинько в повозку, сели сами. Лошадь потащила телегу к Копино. Связанный полицай проехал по всему поселку. Люди из-за заборов смотрели на это.

Повозка зашла в административную зону.

К ней подошел лейтенант Георг Ленц и сказал:

– Господин Молчанов, я вижу, вы поймали предателя.

– Поймали, герр лейтенант. В Боровке лично отыскал. Опередил, он хотел уже стрелять.

– Ты чего брешешь, Федор? Кто хотел стрелять? – заявил арестант.

Молчанов усмехнулся и спросил:

– Это я брешу? А кто за винтовку схватился?

Начальник полиции прервал перепалку:

– А ну, всем молчать! Клинько в подвал. Да не рядом с бабой его. И не бить пока. Он свое еще получит. Старший охраны – Молчанов.

– Слушаюсь, герр лейтенант!

– Я к коменданту, а ты смотри мне тут! Если с предателем что-то случится, расстреляю всю твою команду, понял?

– Так точно, герр лейтенант! – Молчанов вытянулся в струнку.

Начальник полиции направился к управе. Она находилась на первом этаже, там, где раньше был райком КП(б)У. На втором вместо райисполкома теперь располагалась комендатура.

Молчанов же приказал спустить Клинько в камеру, посадить отдельно от Варвары, лошадь с телегой загнать за угол.

Во двор въехал легкий бронетранспортер «Ханомаг-250». Командир охранной роты обер-лейтенант Карл Грубер выбрался из него, направился ко входу, охраняемому полицейскими, поднялся на второй этаж. В кабинете коменданта никого не было, как и в соседнем, предназначенном для его заместителя. Только унтерштурмфюрер Зигель находился на месте.

– Что у вас, обер-лейтенант? – спросил он.

– Прочесали все, что можно, выставили посты наблюдения.

– Из этого следует, что диверсантов вы не обнаружили?

– Не обнаружили, герр унтерштурмфюрер.

– Плохо, обер-лейтенант. Что, и следов никаких?

– У места подрыва следы есть. Обнаружены позиции в непосредственной близости от зоны отчуждения и полотна. Саперы у диверсантов опытные, профессионально подготовленные. Они установили заряды так, что при подрыве гарантировался сход эшелона в левую, ближнюю к позиции стрелков сторону. В лесу мы нашли множество стреляных гильз.

– Куда повели следы от полотна?

– На северо-восток. Но вскоре затерялись.

– Техника бандитами использовалась?

– Нет, следов от машин и мотоциклов не замечено.

– Значит, они пришли и ушли пешком?

– Выходит, так.

Появился начальник полиции.

– Разрешите войти, герр унтерштурмфюрер?

– Входи, лейтенант. Что у тебя?

Ленц доложил о доносе Варвары Терновой и о том, что отделением старшего полицейского Молчанова в селе Боровка обнаружен и задержан Петр Клинько, подозреваемый в предательстве и связи с партизанами или диверсантами.

– Боровка? – переспросил унтерштурмфюрер. – Это ведь заброшенное село, так?

– Так точно!

– Как взяли этого Клинько?

– В подробности я не вдавался. Из устного доклада старшего полицейского Молчанова следует, что Клинько находился на окраине села с лошадьёю и телегой. Отделение вышло на него, когда он собирался куда-то ехать. Клинько якобы пытался оказать сопротивление, но был обезоружен, связан и доставлен в полицейское отделение.

– Сейчас он где?

– В подвале. Там же, где и его сожительница Варвара Тернова.

– Надеюсь, твои люди не додумались посадить их в одну камеру?

– Я запретил это. И еще, герр унтерштурмфюрер, у Клинько обнаружена карта с указанием места диверсии, а также места дислокации базы диверсантов.

– Да? Это уже интереснее. Где карта?

– Вот. – Лейтенант достал из планшета карту, расстелил на столе.

Зигель внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Да, место засады указано точно, а вот с базой непонятно. Обычно на картах места расположения скрытых баз не указываются. Для чего? Диверсантам или партизанам они и без этого известны, а врагу знать не надо. Это может быть перевалочный пункт, но не база. Я думаю, Клинько мог навести диверсантов на удобное место для проведения акции.

– Но тогда старший русский забрал бы ее с собой, – сказал обер-лейтенант.

– Для чего? У него своя есть. Перенес данные и вернул. Одно смущает. Почему вместо того, чтобы вернуться в поселок, полицейский устроился на отдых на окраине брошенного села? Он не мог не понимать, что Боровка в первую очередь попадет под прочесывание.

– А если Клинько не собирался возвращаться? – проговорил начальник полиции.

Унтерштурмфюрер посмотрел на него и спросил:

– Считаешь, что он сидел на сене и ждал братьев по оружию?

– Да, но в планы командира отряда или группы русских не входило брать его с собой.

– Тогда этого типа убили бы.

– У них это не принято. Возможно, сам Клинько банально уснул и провалялся так до позднего утра. По сообщениям сослуживцев, Клинько отличался неудержимой тягой к спиртному, как говорится, допивался до чертиков, причем вместе со своей сожительницей. Впрочем, на службу это не влияло. Пил он в свободное время.

Командир охранной роты воскликнул:

– Да нечего попусту гадать. Надо допросить его, и станет известно, почему он оказался в заброшенном селе.

Унтерштурмфюрер взглянул на командира охранной роты:

– По-моему, обер-лейтенант, у вас есть своя работа. Полицейские выполнили задание и поймали предателя. А вы упустили диверсантов.

– Но вы сами понимаете, что невозможно поймать тех людей, которых в районе поисков уже нет. Да, бандиты не имели транспорта, но пешком им было даже проще уйти из опасной зоны. Моя рота постоянно отдалялась от поселка и не могла эффективно выполнять задание, так как росло расстояние между солдатами, отделениями, взводами. В конце концов настал момент, когда дальнейшее продвижение стало невозможным. Я приказал двум взводам разбиться на отделения с бронетранспортерами и мотоциклами и заблокировать участок, самый подходящий для прохода бандитов, от северного леса через окраину Боровки до железнодорожного моста. Двум другим взводам необходимо было усилить охрану объектов в Копино, главным образом района железнодорожной станции и действующих фабрик. Из них же были выделены патрули. Но мое подразделение нести службу в этом режиме не сможет. Уже завтра мне придется отзывать взводы блокирования рубежа. Солдатам нужен отдых. Охрану в связи с изменившейся обстановкой надо усилить второй ротой либо подразделением СС, что было бы гораздо эффективней.

Унтерштурмфюрер указал ему на телефон:

– Звони!

Командир охранной роты опешил:

– Не понял.

– Ты предлагаешь запросить помощь, так звони в Харьков, а хочешь – в Ровно и требуй, чтобы прислали войска для поддержки.

– Извините, это в мою компетенцию не входит.

– А где, кстати, комендант и его заместитель?

– Я их видел на месте крушения эшелона. Видимо, они на станции, но точно не знаю.

– А где ваш заместитель?

– Лейтенант Ганс Кантор находится в одном из взводов блокирования рубежа.

– Хоть этот при деле.

Объявились и комендант с заместителем. Не прошло и пары минут, как вспомнили о них. Они зашли в кабинет эсэсовца усталые, грязные.

– Какие успехи, Арман? – спросил унтерштурмфюрер коменданта поселка.

– Все плохо, Брунс. У светофора действовала профессионально подготовленная, весьма малочисленная группа бандитов. После подрыва из всего эшелона каким-то чудом выжила паровозная бригада. Машинист и помощник не пострадали, кочегар повредил ногу. Это притом, что солдат, находившийся рядом с ними, погиб. Мы встретили этих людей. Они рассказали о бандитах. По их словам выходит, что в подрыве эшелона участвовали не более десяти человек.

– Значит, диверсанты оставили их в живых?

– Да.

– Почему?

– Потому, что они принуждены работать на нас.

– Это не так. В бригаде были люди, действительно изъявившие желание работать на великую Германию.

– Но партизаны или диверсанты этого не знают. А члены бригады, понятно, не стали особо распространяться о себе.

– Значит, десять человек?

– Да, Брунс. Или около того.

Унтерштурмфюрер повернулся к командиру охранной роты.

– Сколько у тебя людей, обер-лейтенант?

– По списку сто тридцать восемь, герр унтерштурмфюрер.

– А в полиции?

– Тридцать шесть, – ответил Ленц.

– И нас пятеро. Я имею в виду себя, коменданта, заместителя и водителей. Это выходит сто восемьдесят военнослужащих. Имея столько хорошо вооруженных солдат и полицейских, бронетехнику, мотоциклы, ты хочешь просить поддержки? Против десяти диверсантов? Представляешь реакцию начальства, если мы обратимся за помощью, имея такое соотношение сил?

Комендант не знал о разговоре эсэсовца с командиром охранной роты, поэтому осведомился:

– О чем вы, господа?

– У обер-лейтенанта Грубера спроси. А сейчас отдай приказ вернуть все подразделения в поселок. Диверсантов уже не достать, они ушли. Нам же надо продумать варианты их дальнейших действий. Они объявились в районе не для того, чтобы пустить под откос один эшелон. Эти боевики Берии – Сталина могут много хлопот нам доставить, пока мы не перебьем их. Надо просчитать, где может находиться база противника.

– Может, это все-таки то самое место, что отмечено на карте? – сказал начальник полиции.

– На какой карте? – спросил комендант.

Начальник полиции видел раздражение Зигеля и ответил сам:

– У полицейского, который, по словам сожительницы, был связан с партизанами или диверсантами и встречался вчера с ними в доме этой шлюшки, была найдена карта. Она на столе.

Унтерштурмфюрер забрал карту, сложил ее, бросил в сейф, закрыл его и сказал:

– Займитесь делом, господа. Встречаемся здесь же в двадцать ноль-ноль. Жду от вас конкретных предложений по объявившейся банде. Начальник полиции, мы идем на допрос Клинько и его сожительницы. Надеюсь, у вас оборудовано помещение для этого?

Лейтенант Ленц усмехнулся и ответил:

– Да, герр унтерштурмфюрер, за основу взят опыт гестапо.

– Это хорошо. Прошу. – Зигель указал начальнику полиции на выход и сам пошел следом за ним.

В здании полиции они спустились в подвал, где было ровно десять камер. Пять с одной стороны коридора, столько же с другой. В торце за железной дверью располагалась допросная комната.

В этом году тут обычно никого не было. В сорок первом оккупанты отправляли сюда еврейские семьи, сажали партийных и советских работников, не успевших эвакуироваться. Тогда камеры были забиты до упора. Впрочем, ненадолго. Людей вывозили в южный лес и расстреливали.

Сейчас же в камерах сидели только Клинько и Тернова.

Варвара сразу бросилась к решетке, служившей дверью.

– Господин офицер, за что меня тут держат? Я же сама пришла, рассказала об измене Клинько!

Начальник полиции прикрикнул на нее:

– Замолчи, жди, разберемся.

Зигель же подозвал караульного:

– Кто ты?

– Полицейский Ватарин Борис, недавно заступил, герр унтерштурмфюрер.

– Давай бывшего коллегу в допросную, да в наручниках!

– Понял, герр унтерштурмфюрер.

Зигель чуть подумал и приказал:

– И бабу туда же!

– Слушаюсь, герр унтерштурмфюрер!

Эсэсовец и начальник полиции зашли в комнату. Здесь было все, что необходимо для проведения допросов с пристрастием. Например, специальное кресло, напоминающее гинекологическое, с ремнями на подлокотниках и у самого пола. Рядом с ним на столике лежали различные инструменты – плоскогубцы, скальпели, кусачки, пинцеты. Все это применялось здесь для пыток. В углу со стены спускалась цепь с наручниками. Через блок она шла к подъемному механизму. Это была самая настоящая дыба. С правой стороны обычный стол и стул, ножки которого забетонированы в пол, несколько табуреток вдоль стен. На столе лампа. Свет проникал сюда через небольшое зарешеченное окно, но сейчас лейтенант Ленц включил электричество.

Караульный ввел в помещение бледного Клинько и спросил:

– Куда его, герр унтерштурмфюрер?

– Пока за стол.

Конвоир усадил полицая на стул, вмонтированный в бетон, завел его руки за спину и сцепил там наручниками.

– Разрешите идти? – спросил он после этого.

– А баба?

– Так я за ней и хотел пойти.

– Иди.

Караульный привел и Тернову, не стал надевать на нее наручники и поставил под окном.

Начальник полиции взглянул на арестантку и приказал:

– Стоять здесь, никаких реплик, отвечать только на вопросы господина унтерштурмфюрера! Перебивать его не советую.

– Я все поняла, – прошептала женщина, со страхом осматривая помещение.

Зигель достал из единственного ящика стола лист бумаги, карандаш, включил лампу, направил ее на арестованного.

– Господин Клинько Петр Семенович?

– Так точно, герр унтерштурмфюрер!

– Не будем терять время на биографию. Она полностью отражена в личном деле, которое нам, наверное, придется проверить.

– Я не понимаю, герр... – начал было Клинько, но Зигель оборвал его.

– Тебе прекрасно известно, что вопросы здесь задает тот, кто проводит допрос, – заявил он.

– Извините.

– Расскажите о вечере четверга, седьмого мая. Где был, что делал, с кем встречался. Включая время нахождения в доме Терновой.

– Так в пивной сидел. Выпил немного, как обычно, и пошел домой, то есть к этой вот шалаве. – Он указал головой на Варвару.

Та дернулась, но нарвалась на строгий взгляд начальника полиции и промолчала.

– Прихожу, а в хате Варька вдрызг пьяная валяется за ширмой. Я позвал ее, но вдруг из-за спины двое мужиков с пистолетами!.. Вырубили они меня.

– Вас ударили?

– Нет, сунули под нос платок с эфиром. Дальше ничего не помню.

– А Тернова спала?

– Точно так, герр унтерштурмфюрер! Поверьте, я не знаю этих двоих, а Варвара наврала.

– Гут. – Зигель повернулся к женщине. – Теперь ты расскажи, что было вечером седьмого числа.

Варвара описала, как все происходило на самом деле.

Унтерштурмфюрер выслушал ее и спросил:

– Значит, эти люди говорили, что пришли к Клинько, который связан с партизанами?

– Да, господин офицер. Не могу выговорить вашего звания.

– Этого и не требуется, – сказал Зигель, вновь взглянул на Клинько и осведомился: – Что вы скажете на слова сожительницы?

– Скажу, что она связана с партизанами. Ведь Варька почему-то пустила их к себе в хату. Откуда они знали, где она живет, да еще и с полицейским?

– Брешет он, герр офицер, как сивый мерин! – выкрикнула арестантка. – Двое пришли к нему.

Начальник полиции двинулся к женщине, но Зигель остановил его.

– Погоди, лейтенант. Если эти люди пришли к Клинько, то почему они остались с тобой?

Унтерштурмфюрер постоянно путал обращения, то на «вы», то на «ты».

– Они не спрашивали дозволения и заставили меня пить.

– А ты и рада?

- Деваться мне было некуда, испугалась я.
- И допилась до того, что оказалась на кровати?
- После третьего стакана я ничего не помню. Проснулась, Клинько нет, вышла во двор, нет и лошади, и телеги. Вспомнила о приходе этих людей и тут же побежала в полицию.
- Зигель взглянул на Клинько и спросил:
- Как ты оказался в заброшенном селе?
- Клянусь, герр унтерштурмфюрер, не знаю. В голове мрак. Видать, эти партизаны забрали лошадь и вывезли меня в село.
- Зачем?
- Этого я знать не могу.
- Почему именно тебя, рядового полицейского, не представляющего никакого интереса для партизан? Или все же представляющего?
- Ну не знаю я, герр унтерштурмфюрер.
- Почему ты пытался оказать сопротивление группе, задержавшей тебя?
- Брешет Молчанов. Он приказал поднять руки, я это сделал и никакого сопротивления не оказывал.
- Зигель вздохнул и сказал:
- Выходит, все у тебя брешут, один ты говоришь правду.
- Но это так.
- А откуда у тебя вот это? – Унтерштурмфюрер бросил на стол карту.
- Не могу знать, герр унтерштурмфюрер. Я видел, как Молчанов достал эту карту из-под моего кителя, но клянусь всем святым, ее мне подсунули те же партизаны.
- Зигель посмотрел на начальника полиции.
- Что скажешь, лейтенант?
- Не хочет господин Клинько признаться по-хорошему. Значит, придется провести допрос с пристрастием.
- Согласен. Работать с ним постоянно и лично до тех пор, пока у меня на столе не будут признательные показания. Должны же мы раскрыть взятого агента, чтобы отметить это в отчете. Иначе нас обвинят в халатности.
- Нет, – закричал Клинько. – Не делайте этого, я не виноват.
- Ленц ударил бывшего полицая и заявил:
- Заткнись!
- А что будет со мной? – с нешуточным испугом спросила Варвара.
- Офицеры проигнорировали этот вопрос и вышли из помещения.
- Бабу поддержи до вечера и отпусти, – распорядился Зигель. – За домом ее установи наблюдение. А заставишь сожителя дать признательные показания, придется поощрить ее. Так, чтобы узнал весь поселок. Ну, скажем, телегой сена.
- Ленц усмехнулся и произнес:
- Такое поощрение станет для нее хуже наказания.
- Не будет жрать самогон. Возможно, у нее не выдержит сердце. Разве можно так сильно пить?
- Я понял. Один вопрос разрешите?
- Спрашивай.
- Вы на самом деле думаете, герр Зигель, что Клинько связан с диверсантами?
- Вряд ли. С другой стороны, диверсанты таким вот образом могли избавиться от своего агента. Он стал больше им не нужен или повел себя неправильно. Зачем диверсантам потенциальная угроза? В любом случае действия против Клинько совершили диверсанты. Это значит, что как-то он все же с ними связан. Но не будем ломать голову, Георг. Козел отпущения у нас есть, его и используем.

– Есть и коза. Ее тоже можно использовать.
– Посмотрим. Твоя задача – как можно быстрее получить признательные показания Клинько. Дальше я решу, что делать с Терновой, как ее использовать.
Ленц остался у крыльца, а Зигель направился в комендатуру.

В своем кабинете он поднял трубку телефона.

Ему ответил немолодой и нервный голос:

– Слушаю.

– Герр штурмбаннфюрер, это унтерштурмфюрер Зигель.

– Очень рад, – без всякой радости ответил заместитель начальника районного управления СД. – Мне доложили о том, что произошло у Копино. Что предпринято для поиска и ликвидации партизанского отряда? Почему мы только сейчас узнаем о том, что в твоём районе сформирован таковой?

– Разрешите по порядку?

– Да, начни с начала.

– Тогда ответ на первый вопрос. Охранная рота и полиция провели рейды по району, блокировали место диверсии. К сожалению, возможности охранной роты незначительны. Ей не удалось накрыть бандитов. Лучше сработала полиция. По сигналу, поступившему от жительницы поселка, полицейским удалось взять вероятного агента, который передавал данные в лес.

– То есть у вас есть зацепка?

– Так точно! Сейчас с агентом работают.

– Кто он?

– Оказался таким же полицейским. А полиции было известно все об эшелоне. При нем обнаружена карта с указанием точного места диверсии.

– Дальше!

– Насчет партизан. У нас не партизаны объявились, герр штурмбаннфюрер, а хорошо подготовленная разведывательно-диверсионная группа, думаю, из числа тех, что Берия забросил к нам в тыл. По показаниям машиниста паровоза, его помощника и кочегара, в подрыве состава и расстреле солдат и офицера пехотной роты, выживших после опрокидывания состава, участвовали примерно десять человек. Благодаря отменной организации и профессиональной подготовке этой группе удалось провести операцию и уйти от преследования.

Наступила пауза.

Штурмбаннфюрер Вальтер Штейн какое-то время обдумывал эту информацию, затем спросил:

– Что ты намерен делать дальше, Зигель?

– Пока мы обрабатываем бывшего полицейского, возможно, возьмемся и за его сожительницу, которая и сдала его. Нам главное узнать, где базы диверсантов, основная и запасная. Но, если это возможно, я бы просил вас выделить на усиление подразделение СС. Признаюсь, охранной роте и полиции я не склонен доверять. Они не имеют той подготовки, которая необходима для проведения успешной антидиверсионной борьбы. Поселок прикроют, это да, но не можем же мы постоянно только отбиваться от нападков диверсантов. И потом, через район проходят железная и автомобильная дороги. Есть мосты. Вывод из строя данных объектов нарушит сообщение с Полтавой и Харьковом. Это в сложный для нас период. Нам необходимо не защищаться, не бить по хвостам, а вести активный поиск диверсантов и их пособников среди мирного населения. Нам надо...

Штурмбаннфюрер прервал представителя СД в гарнизоне Копино:

– Я услышал тебя, Зигель. Подумаю над твоей просьбой. Отвечу позже, сейчас не готов. Занимайся агентом диверсантов, ищи базы имеющимися силами, усиль охрану всех объектов. Как будет что-то для тебя, сообщу. Подробный отчет о том, что произошло в поселке, должен

быть у меня не позже завтрашнего дня. Было бы неплохо, если бы ты приложил к нему показания полицейского и его бабы, естественно, признательные, дающие хоть какую-то зацепку по диверсантам. Все, удачи, конец связи!

– Благодарю, до связи!

Последние слова офицер СД сказал в пустоту. Штурмбаннфюрер Штейн уже положил трубку. То же самое сделал и Зигель. Потом он достал пачку сигарет, повернулся к окну и закурил. Ему было о чем подумать.

Боевая группа «Удар-15» прошла более двадцати пяти километров. В 20.20 она оказалась на опушке леса, за которой начиналась та самая поляна, где находился сторожевой пост. По команде Рябинина бойцы залегли. Сам командир с заместителем и старшиной Гринько подползли к кустам, откуда была видна вся елань.

Пять минут они молча оглядывали кусты и деревья, пространство между ними. Пост виден не был. Нельзя было сказать, функционировал ли он, не ушел ли санинструктор в болото из-за выхода сюда гитлеровцев.

– Вроде тихо, – проговорил Гринько.

– Тихо, – повторил Рябинин и сказал старшине: – А ну-ка, Вася, ухни соевой три раза.

Старшина сделал это. В ответ тут же донеслось такое уханье с участка, где находился пост.

– Ну вот, слава Богу, – сказал старшина и улыбнулся.

Заместитель удивленно посмотрел на него и спросил:

– Ты что, Василий, верующий?

– До того как арестовали меня по обвинению в шпионаже в пользу Японии, в Бога не верил, даже заявление подал, хотел вступить в партию. А вот потом, после милых бесед со следователем, уже в лагере, поверил. Не в торжество коммунизма, а в Господа нашего. Вера помогла мне выжить.

– Значит, не веришь ты в торжество коммунизма! – возмутился старший лейтенант Федотов. – Оказывается, ошибся я в тебе.

– Да ладно тебе, Саня, – прервал заместителя командир. – Главное в том, что не озлобился он, пройдя через то, что не всякий выдержит. Там, в лагере, поверишь хоть в черта, лишь бы жить.

– И как тебя выпустили? – продолжал интересоваться старший лейтенант Федотов.

– Давайте потом, мужики, – вновь прервал заместителя Рябинин. – Сигнал безопасности подан, выходим к посту. Федотов, передай по команде: выдвижение в обычном порядке. Только бегом, мимо поста сразу на гать.

– Понял.

Рябинин взглянул на Гринько и проговорил:

– Ты не обижайся на заместителя. Он хоть и верит в разные утопические идеи, но мужик настоящий, свой, надежный.

– Да я не обижаюсь. Забыл, что это такое. Решением суда я полностью реабилитирован, мне возвратили звание, награды, жену с дочерью в Москву из Сибири вернули. И еще, командир, на будущее. Я воюю не за построение социализма во всем мире или в отдельно взятой стране, а за свою Родину, за народ, за Сталина и готов за них положить голову.

– Достойные слова. Но, Вася, давай к группе. Подходите сюда, начнем выход к базе, завершающий этап операции.

– Есть, товарищ капитан!

Группа приготовилась к броску.

Рябинин подал команду:

– Вперед!

Бойцы рванули по поляне. В душе каждый опасался, что сейчас из леса ударят пулеметы, автоматы и все будет кончено, но ничего подобного не произошло. Санинструктор встретил товарищей.

Рябинин пропустил бойцов на гать, сам упал рядом с сержантом Воблиным.

– Привет, Леша, вот и мы.

– Это хорошо. Задачу выполнили?

– Конечно, о чем спрашиваешь? А тут без нас все спокойно было?

– Да не совсем. На поляну выходил отряд гитлеровцев в полевой форме. Видимо, подразделение охранной роты. Почти до поста дошли, я уже растяжку поставил и на болото подался. Но немцы отчего-то остановились метрах в десяти от топи. А оттуда поста не видно. С ними офицер был или унтер. Я не разобрал. Он подал команду, и немцы подались к северной части леса. Тропу не заметили, попытались продрасться через лес, не получилось, вернулись, отыскали дорожку, по которой выходили сюда, и скрылись. Я растяжку снял и снова принялся тащить службу. По птицам, порхавшим в лесу, видел, как уходил отряд. Кроме него, больше никто не появлялся. А вы-то где прошли?

Рябинин улыбнулся и ответил:

– А нам, Леша, пришлось крюк в двадцать пять верст делать и заходить сюда по кромке болота. Надоело тебе тут валяться?

– Надоест за весь день.

– Тебя сейчас сменят. Надо будет приготовить для ребят хороший, сытный ужин.

– А дым от кухни?

– Ночью его не видно, ветер на восток, значит, на поляне и в лесу дыма не будет.

– Точно, а я и не смотрел. Тогда, конечно, сделаю. А спиртику нам после такой работы не полагается?

– Как же не полагается? – Командир группы опять улыбнулся. – Даже двойная порция.

Лицо санинструктора расплылось в довольной улыбке.

– Это дело, командир, да и для здоровья полезно, особенно здесь, в болоте.

– Но при условии сытного ужина.

– Сделаю, пальчики оближете.

– Подожди немного, дойду до базы, пришлю смену.

– Понял.

Устали в группе все. Людям требовался отдых, но Воблина следовало менять прямо сейчас, чтобы он занялся стряпней. Поэтому Рябинин спросил, кто добровольно заступит на пост. Добровольцами оказались все. Тогда командир приказал заместителю составить на эту ночь график несения службы со сменой через два часа. Первым на поляну ушел красноармеец Табиев.

Сержант Воблин вернулся и принялся разделять продукты из особого, так называемого праздничного запаса.

Командир же зашел к связисту и спросил:

– Как дела, Коля?

– С возвращением вас!

– Спасибо. Было что?

– Было из центра, от старшего майора Платова. Вот дешифрованное сообщение.

Командир группы взял листок и прочел:

«Центр «Удару-15» с оповещением «Удара-1». После проведения операции на железной дороге группе прекратить диверсионную деятельность до моего личного отдельного распоряжения. Приказываю в течение суток найти в районе вашей базы место, подходящее для десантирования особой группы, состоящей из четырех человек. Уточняю, у особой группы задание государственной важности, инициированное товарищем Берией. В случае необходимости

«Удар-15» поступает в полное распоряжение командира особой группы майора Шелестова. Он уполномочен согласовать подробности».

– Что бы это значило? Какая-то особая группа, действующая по приказу старшего майора ГБ Платова при личном контроле самого товарища Берии, – проговорил капитан.

– Да, серьезное задание у этого Шелестова, – сказал сержант и отчего-то вздохнул.

– Да уж, непростое. С командиром отряда вопрос, стало быть, уже согласован. Ну что ж, приказ есть приказ, будем выполнять.

В штабной блиндаж зашел заместитель и доложил:

– График определил, инструктаж провел, в помощь Воблину выделил двух саперов. Время уже позднее, пусть помогут быстрее приготовить ужин.

– Правильно сделал. На, возьми. – Рябинин передал шифрограмму старшему лейтенанту Федотову.

Тот прочитал текст и воскликнул:

– Ни хрена себе! Платов, Берия, особая группа. Начинается такое дело, по сравнению с которым подрыв эшелона – сущая мелочь.

– Узнаем. Завтра в десять тебе лично взять троих бойцов и начать поиски площадки, подходящей для приема десанта.

– Что это за особая группа?

– Увидим.

Глава 3

Старшина госбезопасности Семен Юрьевич Лебедь являлся командиром отделения охраны секретной дачи Берии, находящейся в Подмоскowie. Он частенько поговаривал о тяготах и лишениях своей службы, однако рапорт об отправке на фронт так и не написал, оставался на объекте.

Утром 8 мая 1942 года Лебедь, как и всегда, обходил территорию, проверял несение службы солдатами, подчиненными ему.

Он достал из пачки папиросу и собрался было закурить, но тут к нему подбежал дежурный по объекту и доложил:

– Товарищ старшина, звонили из Москвы. К нам выехали товарищ Берия и старший майор Платов.

– Твою мать, давненько они тут не были. А ну, бегом к офицерам группы Шелестова. Предупреди их. Я на контрольно-пропускной пункт.

Шелестов уже провел подъем и собирался отправить бойцов на утреннюю пробежку, но физическую зарядку пришлось отменить из-за сбивчивого и немного испуганного доклада дежурного по объекту. Майор приказал всем быстро привести себя в порядок и через десять минут находиться во дворе, у входа в дом, в котором временно располагалось небольшое специальное подразделение.

Буторин, Коган и Сосновский приказ выполнили и в 7.10 уже стояли там, где им и было велено.

Рядовые бойцы отделения охраны в спешке наводили марафет на территории. Порядок здесь всегда поддерживался образцовый. Но досадные мелочи обязательно найдутся. Высокие начальники почему-то обращают внимание именно на них.

В 7.20 через ворота КПП прошли «Паккард» и два «ЗиС-101». Они въехали во двор и остановились. Водитель «Паккарда» выскочил из автомобиля и открыл заднюю дверцу. Из машины вышел Лаврентий Павлович Берия в штатском костюме и своих неизменных круглых очках. Следом за ним появился старший майор Платов.

– Смирно! – подал команду Шелестов, подошел к Берии и принялся рапортовать: – Товарищ генеральный комиссар государственной безопасности...

Берия прервал его:

– Не надо этого. Не на параде. Плесенью здесь не обросли от безделья?

– Никак нет, товарищ генеральный комиссар!

– Хорошо. В комнату для совещаний, и быстро, у меня не так много времени.

Он первым зашел в здание.

За ним последовали Платов и офицеры особой отдельной группы.

В кабинете Берия встал у окна. Все остальные замерли на входе.

Народный комиссар внутренних дел повернулся и заявил:

– И чего стоите? Садитесь.

Старший майор ГБ Платов присел сбоку от места руководителя. Рядом устроились Шелестов и Буторин, Коган и Сосновский примостились напротив.

Берия прошелся по комнате и произнес:

– Вы уже поняли, что я приехал сюда не просто так. Вас ждет серьезное, очень важное задание. Скажи, Шелестов, что тебе известно о немецких танках «Т-5» – «Пантера»?

– «Т-5» – «Пантера»? – проговорил Максим. – Впервые слышу о таких. «Т-3», «Т-4» знаю, есть и другие модификации, но «Т-5» «Пантера»?..

– А между тем в Германии ведется ускоренная работа по созданию новых тяжелых и средних танков, способных противостоять последним образцам наших машин. «Т-6» получил

кодовое название «Тигр», а «Т-5» – «Пантера». Немного информации. Сейчас уже доказан факт, что танки «Т-34» и «КВ» превосходят немецкие «Т-3» и «Т-4». Но ситуация меняется. На данный момент германские проектно-конструкторские бюро при крупнейших компаниях в авральном режиме работают над данной проблемой. Так, в городе Касселе компания «Хеншель» не только уже разработала тяжелый танк «Т-6» «Тигр», но и успела сделать два опытных образца. Руководит этим главный инженер, начальник отдела новых разработок Эрвин Адерс. Одновременно на заводе в Нюрнберге компания MAN занимается средним танком «Т-5» «Пантера». Пока подготовлена только рабочая техническая документация. Массовое производство новых машин начнется в этом году. Перелом в ходе войны уже наступает, немцы и их союзники потерпели ряд крупных поражений. Превосходство Красной армии теперь будет только нарастать. Германия, да и вся Европа работают на износ. Однако «Тигр» и «Пантера» могут доставить нам достаточно много неприятностей. Все члены Государственного Комитета Оборона и сам товарищ Сталин обеспокоены стремлением Гитлера усилить свои сухопутные войска. А чтобы эффективно бороться с новыми танками, требуется что?

Сосновский тут же ответил:

– Знать устройство, правила эксплуатации, естественно, тактико-технические характеристики, сильные и слабые стороны этих машин.

Шелестов укоризненно посмотрел на капитана и заявил:

– Разве тебя спросил товарищ Берия? Что ты опять лезешь поперек батьки?

Генеральный комиссар поднял руку:

– Не надо замечаний, товарищ Шелестов. Ваш офицер прекрасно ответил на вопрос, заданный всем вам. Нам действительно надо получить секретную документацию по «Тигру» и «Пантере», чтобы к моменту их ввода в бой уже иметь оружие, способное уничтожать этих хищников. Казалось бы, задача невыполнимая. Где сейчас группа и где эта документация, быстро разрабатываемая противником и так нужная нам? Вряд ли руководство Третьего рейха пригласит нас в гости и предложит ознакомиться с ней. Но не все так печально. Я уже упоминал Эрвина Адерса. Пришло время назвать его помощника – инженера Бернарда Вальзера. В тридцать третьем году Вальзер стажировался в Советском Союзе, в Челябинске, имел возможность получить информацию о нашем танкостроении. Не секрет, что мы пытались завербовать кого только можно из иностранных специалистов, как и западные разведки – наших. В случае с Вальзером это не сразу, но удалось. По своим убеждениям он был социалистом, изучал труды Маркса, Ленина, товарища Сталина. К идеям построения социализма даже в отдельно взятой стране Вальзер относился скептически, но впоследствии совершенно не принял и национал-социализма, хотя и вынужден был вступить в НСДАП. В общем, Берnard Вальзер вернулся в Германию и продолжил работу в компании «Хеншель». Наши агенты пытались связаться с ним, но он, честно говоря, не привечал их. И только когда выявилась звериная сущность фашизма, когда Гитлер начал захватывать Европу и напал на Советский Союз, Вальзер сам вышел на нашего человека и заявил, что готов сотрудничать с советской разведкой.

– Только ли неприятие сущности фашизма привело этого инженера к решению о сотрудничестве с нашей разведкой? – спросил Коган.

Шелестов нахмурился, Берия же улыбнулся и проговорил:

– Не только это. Тут была и личная причина. Вальзер в свое время учился вместе с евреем Авдоном Иммерманом. Вся эта семья относилась к нему как к родному. После учебы Вальзер работал в Мюнхене. Там же устроился и его еврейский друг, который обзавелся семьей. Его родители и сестра жили там и до того. Однажды на квартиру Иммерманов нагрянули боевики из штурмовых отрядов, известные еще как коричневорубашечники. У главы семейства, я имею в виду Иосифа, отца Авдона, была своя цветочная лавка. Девятого ноября во всей Германии начались погромы. Поводом к ним послужило убийство в Париже немецкого дипломата польским евреем. В так называемую Хрустальную ночь была разгромлена и лавка Иосифа Иммер-

мана. Ну а потом штурмовики наведались уже на квартиру, видимо желая пожить добром евреев. Что точно произошло, неизвестно, но утром полиция обнаружила там трупы Иосифа Иммермана, его жены Кейлы и дочери Майи, причем женщина и девушка были изнасилованы. Не остались в стороне и Авдон с женой Рут. Их арестовали и отправили в концлагерь, где они и сгинули. Все это потрясло Вальзера, и он пошел на сотрудничество с нашей разведкой. Кстати, его до сих пор ведет товарищ Платов. Именно от Вальзера мы получили информацию по разработкам и созданию танков «Тигр» и «Пантера». Вижу, вы желаете знать, как он проведет о работах в Нюрнберге, так?

– Так точно! – за всех ответил Шелестов.

– Отвечу и на этот вопрос. В секретном проектно-конструкторском бюро компании MAN работает инженер-конструктор Хаген Корф, друг детства Бернарда Вальзера. Они жили в одном дворе, учились в одной школе. Затем их пути разошлись, но в начале войны, в тридцать девятом году, друзья встретились вновь. Вышло все банально просто. Они пересеклись в Мюнхене, во дворе своего детства. Завязалось общение. Оказалось, что Корф входит в группу по созданию «Пантеры». В отличие от Вальзера он не только признает национал-социализм, но и является активистом партии, руководителем первичной организации на предприятии. Однако Вальзеру по заданию товарища Платова удалось через Корфа заполучить нужную нам документацию. Принять же ее я приказываю вам, товарищи офицеры особой группы.

Сосновский вновь не выдержал и спросил:

– Вы хотите сказать, что нас забросят в Германию?

– Нет. Это, к сожалению, невозможно. Нельзя передать документацию и через агентов разведки, курируемых старшим майором Платовым. Мы используем другой вариант. Вы обсудите его со своим непосредственным начальником. Я же приехал сюда прежде всего для того, чтобы еще раз подчеркнуть один важнейший момент. Предстоящее задание находится на личном контроле Иосифа Виссарионовича. От его выполнения зависят жизни десятков тысяч наших солдат на фронте уже в ближайшее время. Скажу и о том, о чем мог не говорить. Товарищ Сталин просил, чтобы я лично поговорил с вами. Что я и сделал. Если ко мне вопросов нет, то я возвращаюсь в Москву, отдохну немного перед очередной бессонной ночью. Вам известно, что товарищ Сталин предпочитает ночную работу, когда у человека обостряются чувства.

Вопросов не было, поэтому Берия приказал Платову не сопровождать его и пошел на выход.

Старший майор занял место руководителя и спросил:

– Общая обстановка ясна, товарищи офицеры?

– Так точно! – ответил Шелестов.

– Тогда переходим к деталям. Четвертый отдел НКВД разработал операцию «Проект». Ее суть в том, что особой группе предстоит завладеть секретной документацией и доставить ее в Москву. Естественно, у всех вас возникает вопрос, как это сделать. Докладываю. В районе поселка Копино – внимание на карту, это в шестидесяти трех километрах от Харькова – на острове в Луховом болоте размещена база разведывательно-диверсионной группы «Удар-15». Командует ею капитан Рябинин Сергей Леонидович. Это опытный боевой офицер. Ему отправлена шифрограмма с задачей по обеспечению приема вашего подразделения и размещения на базе. Рябинину указано, что при необходимости он переходит в подчинение майора Шелестова. Предвосхищая вопрос, почему особая группа отправляется именно к поселку Копино. Объясняется это просто. Бернард Вальзер, упомянутый товарищем Берией, по заданию Эрвина Адерса и решению самого Гитлера должен убыть в рейхскомиссариат «Украина». Товарищ Берия говорил вам, что в Касселе разработан танк «Т-6» – «Тигр» и собраны два опытных образца. Сначала их хотели испытать в Чехии, на полигоне у города Оломоуц, но Вальзер настоял на том, что проверку качества надо проводить там, где эти машины будут применяться

в боевых условиях, то есть в той местности, где им предстоит воевать. Адерс поддержал его. Поэтому Вальзер скоро будет в Ровно, где размещается руководство рейхскомиссариата «Украина». Далее он отправится на поиски полигона и остановит свой выбор на Копинском районе. Соответственно, какое-то время он проведет в поселке. Не только там, конечно. Инженеру-испытателю придется побывать и в Харькове, и в других районных центрах области, возможно, в Полтавской тоже. Но он обязательно будет в Копино. По нашим данным, Вальзер должен вылететь в Ровно десятого-двенадцатого мая. Следовательно, в конце следующей недели он может быть в Копино. Вальзер проинформирован о том, как связаться с нами.

Сосновский вновь не сдержался и заявил:

- Интересно, кто такой этот информатор, который в курсе всех дел немецкого инженера?
- Твою мать, капитан, сколько можно говорить, чтобы не перебивал?
- Это вопрос по существу, товарищ старший майор госбезопасности.
- Обо всем я сообщу, помолчи пока.

Михаил вздохнул:

- Вот всегда так. Если работать, то нам, а вопросы задавать – сразу твою мать.
- Платов, человек воспитанный, смутился.
- За мать извини, но помолчи до окончания доклада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.